

Ли Говэй и Лю Сьюань обменялись взглядами. Министр наказаний Лю Сьюань был впечатлен Яо Яньцином. Он считал, что этот молодой человек, несмотря на свой возраст, был человеком дела, и даже подумывал попросить императора перевести его в Министерство наказаний.

Когда У Маочэня привели, его белый шелковый халат уже не был таким опрятным, как в тот день. Его лицо выглядело усталым, а глаза были полны красных прожилок. Ли Говэй, взглянув на него, отвернулся. Они были земляками и сдавали экзамены в один год. Когда-то они были единомышленниками, а теперь один сидел на судейском месте, а другой оказался в тюрьме. Ли Говэй не мог не вздохнуть с сожалением.

У Маочэнь знал, что на этот раз ему нечего оправдывать. Думая о своей семье, запертой в их доме, он молчал, несмотря на все попытки третьего принца заговорить с ним.

Яо Яньцин понимал, что У Маочэнь боится за свою семью. Вероятно, кто-то пообещал ему, что если он будет молчать, то его семью позаботятся. На его месте Яо Яньцин тоже бы молчал, если бы его семья оказалась под угрозой.

Сюй Сюэчэн нахмурился, кашлянул и строго сказал:

— Вы — опытный чиновник. У нас есть и свидетели, и доказательства. Неужели вы думаете, что молчание спасет вас?

Увидев, что У Маочэнь не реагирует, Ли Говэй вздохнул:

— Мы служили вместе много лет. Когда-то вы были честным и преданным слугой императора. Как вы могли дойти до этого? 30 000 человек погибли из-за вашей жадности. Как вы можете смотреть в глаза императору и народу?

Лицо У Маочэня резко изменилось, и он, словно задетый за живое, холодно усмехнулся:

— Господин Ли, вы говорите красиво, но осмелитесь ли вы поклясться, что никогда не брали ни одного лишнего лян?

Увидев, как лицо Ли Говэя покраснело, он с презрением добавил:

— Зачем мне слушать ваши речи о верности императору и стране? Кто из чиновников может сказать, что он чист? Как вы можете поучать меня?

Ли Говэй был ошеломлен его словами, его лицо стало еще более мрачным, и в его глазах появилось смущение. Он не мог сказать, что был абсолютно честен, но он никогда бы не совершил такого зла. 30 000 жизней — как он мог спать спокойно, не боясь, что к нему придут призраки?

— Вы наглеете! — резко крикнул третий принц, его взгляд стал ледяным.

У Маочэнь не испугался, спокойно выдержав его взгляд и даже усмехнувшись:

— Ваше высочество, вы считаете, что мои слова неверны?

Третий принц прищурился, смотря на У Маочэня, и, не ожидая такой наглости от человека, уже находящегося в тюрьме, сдержал гнев и с улыбкой сказал:

— Вы правы. В каждой династии были коррупционеры, но всех, кого разоблачали, лишали имущества, их потомков снимали с должностей и ссылали, а женщин продавали в рабство.

Ваша семья не станет исключением. Посмотрим, кто осмелится вас защищать.

Эти слова были адресованы не только У Маочэню, но и трем судьям. Пока он был председателем суда, никто не мог защитить семью У.

Яо Яньцин сидел в удобном кресле, его взгляд скользнул по У Маочэню, и в его глазах появилась легкая усмешка. Он не считал себя хорошим человеком и не собирался становиться безупречным чиновником, но он бы никогда не совершил такого. 30 000 жизней — даже всей семьи У было недостаточно, чтобы искупить эту вину. Эти деньги были пропитаны кровью, и как У Маочэнь мог тратить их с чистой совестью?

Взгляд Яо Яньцина стал холодным, как лед, и его глаза, словно отравленный кинжал, пронзили У Маочэня. Тот невольно вздрогнул, обернулся и, увидев Яо Яньцина, усмехнулся.

Яо Яньцин тоже усмехнулся, встал и сказал:

— Ваше высочество, у меня есть предложение.

Третий принц кивнул, и Яо Яньцин, обратившись к судьям, сказал:

— Я считаю, что если У Маочэнь отказывается говорить, следует допросить его старшего сына, У Шифэна.

У Маочэнь резко изменился в лице, его взгляд стал звериным, словно он хотел разорвать Яо Яньцина на куски.

Третий принц посмотрел на У Маочэня, и на его губах появилась едва заметная улыбка:

— Господин Яо сумел заставить говорить Чжан Чана и Сюй Шандэ, так что У Шифэн для него не проблема. Если господа судьи не против, пусть Яо Яньцин допросит его.

Сюй Сюэчэн и другие судьи не возражали. Честно говоря, они сами бы не смогли применить пытку к У Шифэну. Они много лет служили вместе с У Маочэнем и называли его сына «племянником». Если бы они приказали его пытать, это выглядело бы как удар по упавшему.

У Маочэнь имел двух сыновей. Младший был неудачником, а старший, У Шифэн, был похож на него в молодости. Он возлагал на него большие надежды. Если бы он не решил, что его сыну лучше подождать три года, чтобы сдать экзамены, тот мог бы стать коллегой Яо Яньцина.

У Маочэнь, услышав, что Яо Яньцин будет допрашивать его сына, окончательно помрачнел. Если бы это были Ли Говэй и другие, он мог бы быть уверен, что они не станут пытать его сына. Но с Яо Яньцином он не был уверен ни в чем.

Его злобный взгляд был направлен на Яо Яньцина, и он, казалось, готов был разорвать его на части.

Такой взгляд был знаком Яо Яньцину. В прошлой жизни, работая в Министерстве наказаний, он часто видел его на лицах осужденных чиновников. Он привык к этому. Его безупречные руки слегка коснулись рукава, и он, улыбнувшись, поклонился, собираясь приказать привести У Шифэна в камеру пыток.

Яо Яньцин сделал всего пять шагов, еще не переступив порог зала, как У Маочэнь упал на колени и начал бить головой об пол:

— Мой сын не знал о казнокрадстве в Сучжоу, прошу ваше высочество расследовать это.

— Знает он или нет, мы узнаем только после допроса, — холодно сказал третий принц. У Маочэнь не хотел принимать помощь, и теперь ему пришлось увидеть кровь своей семьи, чтобы понять свое положение.

— Мой сын действительно ничего не знает! Это моя вина! Я ослеп от жадности и совершил это зло, из-за которого погибли 30 000 человек в Сучжоу. Это моя вина, и мой сын не имеет к этому отношения. Я готов отдать свою жизнь, только прошу вас пощадить моего сына! — кричал У Маочэнь, и прежде чем кто-либо успел среагировать, он ударился головой о стол. Кровь хлынула из раны.

Третий принц, испугавшись, вскочил, чтобы поддержать У Маочэня, и приказал вызвать врача. У Маочэнь был ключевой фигурой в деле о Сучжоу, и он не мог позволить ему умереть.

— Ваше высочество, — с трудом проговорил У Маочэнь, стиснув зубы. — Мой сын... не знал... прошу вас... пощадите его...

Не договорив, он испустил дух.

Яо Яньцин, случайно встретившись взглядом с Сюй Сюэчэном, увидел в его глазах облегчение. Сюй Сюэчэн, удивленный, пристально посмотрел на Яо Яньцина, думая, что ему показалось.

Яо Яньцин опустил глаза, скрывая свои мысли, и, подойдя к телу У Маочэня, тихо сказал:

— Ваше высочество, раз У Маочэнь признал свою вину, теперь нам нужно только выяснить, кто из местных чиновников замешан в этом деле. Может, стоит доложить императору?

Третий принц, опираясь на колено, встал. Его темные глаза сверкнули холодом, и он, посмотрев на Яо Яньцина и судей, с улыбкой, полной скрытого смысла, повернулся и ушел.

Император Вэнь не был в ярости из-за смерти У Маочэня и приказал третьему принцу как можно скорее выяснить, кто из местных чиновников был замешан в деле о казнокрадстве в Сучжоу, и закрыть дело, чтобы дать ответ жителям Сучжоу.

Третий принц был вне себя от гнева. У Маочэнь выбрал самый неподходящий момент, чтобы покончить с собой. Это было подозрительно. С тех пор как он узнал, что кто-то посещал У Маочэня в тюрьме, он приказал следить за его камерой так, чтобы туда не могла проникнуть даже муха. Никто не мог передать ему послание. Если бы сообщение было передано раньше, У Маочэнь не прожил бы так долго и давно бы покончил с собой.